

на рассмотрение его дела с участием представителей народа, но также и возможность каждого гражданина участвовать в отправлении правосудия над своими согражданами. Ярким подтверждением последнего может служить то, что Президент США Барак Обама был вызван в качестве присяжного заседателя для участия в рассмотрении дела в суде Бриджвью (пригород Чикаго), однако по причине занятости не смог явиться в судебное заседание. Остается надеяться, что реформирование деятельности суда присяжных в РФ приведет к устранению его недостатков и совершенствованию, а не сведет к минимуму возможность привлечения народного элемента к отправлению правосудия.

Примечания

¹ Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

² Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

³ Российская газета. 2009, 27 нояб. № 226.

⁴ Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Российская газета. 2009. 30 нояб. № 227

⁶ Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.

⁷ Российская газета. 2008. 31 дек. № 267.

⁸ См. URL: www.ksrf.ru.

⁹ Коммерсант. 2010. 29 янв. № 15 (4315).

С.А. Борисов*

ЭВОЛЮЦИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 1917–1923 гг.

Октябрьская революция 1917 года и, как следствие, изменения государственного строя обозначили необходимость реформирования старого уголовного процесса. Советское государство решительно отказалось от системы судопроизводства, формировавшейся на протяжении 50 лет — начиная с реформ 60-х гг. XIX в.

Первым декретом о суде, изданным 22 (24) ноября 1917 г.¹, Совет Народных Комиссаров постановил упразднить существовавшие до того момента судебные институты. Таким образом была предпринята попытка прервать развитие состязательного процесса в его прежней форме как способа организации судопроизводства, с его сложной системой взаи-

* © Борисов С.А., 2010

Борисов Станислав Алексеевич — аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

модействия органов прокуратуры и судебных следователей, участием в уголовном процессе присяжной и частной адвокатуры и т. д.

Тем не менее можно утверждать, что советский уголовный процесс в первые годы становления новой власти все же остался насыщенным определенными элементами состязательности, имевшими прочные до-революционные корни. Это касалось как судебных, так и досудебных стадий судопроизводства.

Данный тезис мы попытаемся обосновать, основываясь на нормах первых законодательных актов советской власти в области уголовного процесса.

Несмотря на свое в целом деструктивное значение, Декрет о суде № 1 содержал и некоторые новеллы в области уголовного процесса. Так, п. 8 Декрета вводились новые, коллегиальные органы предварительного расследования — особые следственные комиссии. Такие комиссии образовались при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и осуществляли предварительное расследование дел, рассматривавшихся в революционных трибуналах — чрезвычайных судах, созданных согласно той же норме Декрета. По иным же уголовным делам следствие осуществлялось единолично местными судьями.

Декретом о суде 1917 г. впервые в истории отечественного уголовно-процессуального права на предварительное следствие был допущен защитник обвиняемого. Следует, однако, отметить, что на практике это отнюдь не означало качественного изменения положения обвиняемого. Известно, что большая часть сообщества адвокатов, прокуроров, судебных следователей враждебно отнеслась к декретам нового правительства и саботировало работу в судебных учреждениях. Так, 26 ноября 1917 г. петроградская адвокатура постановила признать Декрет о суде № 1 исходящим «от организации, не признаваемой за власть страной, не имеющим силы закона»². Адвокаты Смоленска заявляли о необходимости «в случае ... применения силы прекратить всякую работу, уйти из суда и не входить с Советской властью в какие-либо переговоры...»³. Аналогичные решения принимались прежними судьями, прокурорами и адвокатами других судебных мест⁴. Соответственно, осуществлять процессуальную функцию защиты обвиняемых (как, впрочем, и профессионального обвинения, и разрешения дела) по уголовным делам, возбужденным советскими следственными органами, оказалось де-факто некому.

Желание законодателя решить эту проблему проявилось в Инструкции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г.⁵, а также в Декрете о суде № 2 от 15 февраля 1918 г.⁶ Согласно Инструкции, при революционных трибуналах Нарком-

юстом образовались особые коллегии правозащитников, а ст. 24 Декрета № 2 регламентировала создание при местных Советах коллегий правозаступников, члены которых должны были приглашаться в суды, подобно барристерам в Англии, для выполнения на возмездной основе функций как общественных защитников, так и общественных обвинителей⁷.

Уровень правовой культуры в среде правозаступников оставался весьма невысоким, вследствие чего члены коллегий были зависимы от местных Советов. Такое фактическое состояние дел было закреплено в Положении о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., изменившем форму оказания защиты — коллегии правозаступников уступили место коллегиям защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. При этом новые коллегии уже не являлись общественным институтом: профессиональная деятельность ее членов была государственной службой, а сами они — государственными должностными лицами (ст. 41, 42, 45 Положения). Контроль за коллегиями защитников возлагался на губернские отделы юстиции, которые должны были периодически проводить совещания членов коллегий, следственных комиссий и народных судей для единого направления их деятельности⁸. Самостоятельность адвокатских организаций, таким образом, была практически сведена на нет, а судопроизводство утрачивало важнейшую составляющую принципа состязательности — противоборство сторон.

Другими словами, прослеживалась тенденция ухудшения положения защитника в уголовном процессе. С конца 1918—начала 1919 гг. права защитника на участие в предварительном расследовании сначала были ограничены (в частности, вопрос их допуска решался следственной комиссией, руководствовавшейся при этом, согласно ст. 21 Декрета о суде № 2, «интересами раскрытия истины»), а затем защитник и вовсе перестал допускаться в процесс до суда. Мысль законодателя отразила и высказывавшаяся в литературе точка зрения, согласно которой ранее допущение защитника к участию в производстве расследования мешало бы следователю производить допросы, очные ставки и другие следственные действия⁹.

Декрет о суде № 2, изданный в развитие и дополнение первого Декрета, расширял круг подследственных следственным комиссиям дел: согласно ст. 21 Декрета № 2, они производили расследование уже по всем уголовным делам, «превышающим подсудность местного суда». При этом за следственными комиссиями был установлен контроль окружного народного суда: жалобы на определения об ограничении участия защитника в следствии приносились именно в суд. О подконтрольности следственных комиссий судебным органам свидетельствовали ряд норм Положения о народном суде 1918 г. (ст. 36, 38, 39), а также ст. 22 Декрета № 2, устанавливавшая порядок оценки судом «достаточности»

постановления следственной комиссии о предании суду. Данные акты возвращают нас к процессуальному статусу следователя, установленному еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Согласно этому акту, следователь состоял при судебном ведомстве и находился в подчинении судебных органов.

Перед судом оставались ответственными и единоличными следователи, пришедшие (а точнее, вернувшиеся) на замену просуществовавшим чуть менее трех лет следственным комиссиям. Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.¹⁰, вводившее данные должности, наделяло следователей объемом полномочий, возложенным ранее на следственные комиссии.

Наиболее четко и полно процессуальное положение следователя как объективного исследователя обстоятельств дела было регламентировано в первом кодифицированном источнике советского уголовного судопроизводства – Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, принятом ВЦИК 25 мая 1922 г.

Нормы УПК 1922 г. позволяют сделать вывод о том, что следователь был организационно и в определенной мере процессуально независим от органов обвинения¹¹. Так, ст. 8 УПК прямо указывала, что обвинение на суде поддерживалось прокуратурой, а п. 6 ст. 23 УПК содержал разъяснение понятия «стороны», к которым не был отнесен следователь, но был отнесен прокурор.

Следователя, согласно УПК 1922 г., можно рассматривать в целом как носителя функции юстиции. Так, в ст. 113 УПК было закреплено положение, по содержанию аналогичное норме ст. 265 Устава уголовного судопроизводства: следователь обязан был выяснять и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого. Статья 114 предписывала следователю направлять предварительное следствие в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела, а ст. 112 обязывала его дополнить следствие в случае указания обвиняемым ранее не исследованных имеющих значение для дела обстоятельств.

Анализ этих и иных норм УПК 1922 г. подтверждает вывод о том, что закон сохранил преемственность следователей с прежним институтом судебных следователей, обязанных направлять свою деятельность к полному, всестороннему, объективному и беспристрастному исследованию обстоятельств дела.

В случае возникновения разногласий с прокурором спор разрешался исключительно судом (ст. 151, 224 УПК), что представляло собой бесспорное проявление состязательности производства. По мнению А.В. Смирнова, с которым нельзя не согласиться, Кодекс 1922 г. смог воссоздать тип предварительного расследования, родственной француз-

ской системе¹², определенная близость с которой демонстрировалась законодателем начиная еще с реформ 1860-х гг.

Таким образом, можно утверждать, что первый советский УПК, несмотря на первоначальные попытки власти уничтожить положения дореволюционного законодательства, фактически воссоздал фигуру следователя в близкой к дореволюционной форме.

Отдельный порядок судопроизводства был установлен для революционных трибуналов. Предметом острых дискуссий среди современников стал вопрос о том, является ли производство в ревтрибуналах особым видом процесса¹³. Действительно, отличия между судопроизводством в народном суде и в трибунале были весьма существенны. В частности, глава XXIX УПК РСФСР 1922 г., озаглавленная как «Производство в революционных трибуналах», признавала сознание обвиняемого достаточным основанием для придания актам дознания силы актов предварительного следствия (ст. 419), что являлось прямым отходом от заявленного в ст. 61 УПК отказа от теории формальных доказательств.

Уголовный процесс в революционных трибуналах допускал состязательность со значительными ограничениями, что было обусловлено целями создания и деятельности данных судебных органов, каковые находились, скорее, в сфере политической, нежели правовой. По мнению исследователей, на практике присутствие сторон при рассмотрении дел в трибуналах было скорее исключением, нежели правилом¹⁴. Решением IV съезда работников революционных трибуналов и вовсе было постановлено, что полная процессуальная форма с участием сторон должна соблюдаться лишь в исключительных случаях¹⁵. Характерно в этом контексте, что, согласно Положению о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г., расследование по подсудным этим судам делам передавалось не кому иному, как органам ВЧК.

Принятое 11 ноября 1922 г. Положение о судостроительстве РСФСР¹⁶ представляло собой очередной этап в развитии уголовно-процессуального законодательства. Регламентация устройства судебной системы государства включала отдельную главу V, определявшую правовой статус следователя, именовавшегося «народным». Из этого видно сохранявшееся равнопорядковое положение следователя и судьи.

Вступление в силу Положения о судостроительстве РСФСР обозначило необходимость внесения существенных изменений в действовавший УПК. Новый УПК РСФСР, принятый 15 февраля 1923 г., несколько изменил систему взаимоотношений следователя и прокурора, усилив зависимость первого от второго. При сохранении обязанности полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, выяснять обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого (ст. 111, 112

УПК 1923 г.), и пребывая в большинстве своем при судах, следователи начали превращаться из подчиненных суду исследователей в подконтрольный прокуратуре орган.

Так, споры о подследственности между следователями разрешались уже прокурором (ст. 127 УПК 1923 г.), а не судом (ст. 130 УПК 1922 г.); производство следствия, согласно ст. 124 УПК 1923 г., передавалось из одного следственного участка в другой по постановлению прокурора, а не Губсовнарсуда (ст. 127 УПК 1922 г.); наконец, жалобы на действия следователя по УПК РСФСР 1923 г. должны были подаваться прокурору (ст. 212), а не в суд, как то предписывал в ст. 216 Кодекс 1922 г.

В то же время иные нормы УПК 1923 г. все же позволяют сделать вывод о принадлежности следователя к власти, обозначить которую можно как «следственно-судебная»¹⁷. Следователи состояли при судах и были им в немалой степени подконтрольны. По-прежнему полномочия по разрешению отвода следователя оставались за судом (ст. 122 УПК); суд решал вопросы и приостановления предварительного следствия (ст. 205) и прекращения уголовного дела (ст. 203). Наконец, органом, разрешавшим споры между прокурором и следователем (ст. 148, 220), являлся также суд. Эти и другие нормы УПК бесспорно роднили уголовный процесс того периода с дореволюционным, позволяя охарактеризовать советское досудебное производство начала 20-х годов XX в. как все еще насыщенное состязательными элементами.

Дальнейшее развитие института следователей в его взаимодействии с судебными органами и прокуратурой свидетельствует об отходе от системы отношений, предложенной первыми уголовно-процессуальными кодексами. Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г.¹⁸ на следователя была возложена ответственность за непосредственное руководство дознанием под надзором прокурора. Таким образом следователь еще теснее привязывался к «обвинительно-розыскной колеснице»¹⁹, утрачивая свои юстиционные полномочия. Развернувшаяся по этому предмету научная дискуссия выявила существенные различия во взглядах процессуалистов на предварительное следствие. А.Я. Вышинский высказывался за отказ от прежней точки зрения на следствие как на судебную деятельность, предлагая рассматривать эту форму расследования как однопорядковую с дознанием²⁰. Н.Н. Полянский же, напротив, отмечал, что советский уголовный процесс в результате указанных изменений вовсе утратил предварительное следствие в его традиционном понимании²¹. В законодательных актах 1928–1929 гг. получила отражение первая из озвученных позиций: следственный аппарат был передан в полное распоряжение органов прокуратуры, сконцентрировавших, таким образом, в своих руках руководство всем досудебным производством. Данные положения фак-

тически констатировали полный отказ от состязательной модели судопроизводства, установленной еще в результате преобразований 1860-х гг., а также намечался поворот отечественного предварительного следствия в направлении инквизиционности, которой оно придерживалось на всем протяжении последующей истории советского государства.

Анализ уголовно-процессуального законодательства 1917–1923 гг. позволяет сделать определенные выводы. Новорожденный советский уголовный процесс, несмотря на радикальное отрицание всей прежней системы процессуальных институтов, не смог все же полностью отрешиться от доставшейся ему из прошлого состязательной формы судопроизводства. Это свидетельствует о жизнестойкости форм организации суда и следствия, определенной в ходе реформ второй половины XIX в. В Кодексах 1922 и 1923 гг. были продолжены традиции функционирования института судебных следователей и в целом процесса, насыщенного состязательными началами. Однако дальнейшее изменение роли субъектов досудебного производства (в первую очередь, смешение предварительного следствия и дознания, а также вывод следственного аппарата из судебного ведомства и подчинение его органам прокуратуры) было порождено необходимостью «подстроить» систему процесса под нужды власти: новации состояли в подготовке к репрессивной политике 30–50-х гг.²² Но и во 2-й половине XX в. отечественное уголовное судопроизводство сохранило обвинительный уклон. В связи с этим следует признать, что до конца не ясной остается сущность и современного предварительного расследования с точки зрения осуществляемой следователем власти. Обновленное в 2001 г. законодательство формулирует охранительные цели уголовного процесса, а одно из средств их достижения, следственные органы, — продолжили функционировать в весьма схожей с прежней форме. Ввиду сказанного в контексте развернувшейся сегодня дискуссии, касающейся реализации принципа состязательности на досудебном производстве, представляется полезным обратить взор законодателя на модель организации советского досудебного производства, предложенную Уголовно-процессуальными кодексами РСФСР 1922 и 1923 гг., во многом опиравшуюся на дореволюционный опыт.

Примечания

¹ СУ РСФСР. 1918. № 4. Ст. 50.

² Цит. по: Кожевников М.В. История советского суда. М., 1948. С. 15.

³ Цит. по: Кожевников М.В. Указ. соч. С. 15.

⁴ Кожевников М.В. Указ. соч. С. 15.

⁵ СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 420–437.

- ⁶ СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
- ⁷ См.: Галоганов Е.. Исторические этапы развития состязательности судопроизводства и места в нем адвоката // Право и жизнь. 2009. № 132 (7). С. 16.
- ⁸ См.: Становление адвокатуры в РФ: учебное пособие / авт. коллектив. Allpravo.ru – 2003. URL: <http://www.allpravo.ru/>
- ⁹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 111.
- ¹⁰ СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
- ¹¹ См.: Николюк В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография. Красноярск, 2003. С. 145.
- ¹² См.: Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 203.
- ¹³ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 108–109.
- ¹⁴ См.: Галоганов Е. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁵ См.: Ривлин Э.С. Советская адвокатура. М., 1926. С. 24, 25.
- ¹⁶ СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
- ¹⁷ Данное выражение употреблялось дореволюционными процессуалистами для обозначения двойственного характера власти следователя, ориентированности его одновременно и на юстиционную, и на инквизиционную деятельность. См., в частн.: Случевский В.К. Учебник уголовного процесса. 4-е изд., дополн. и испр. СПб., 1913. С. 240 и др.
- ¹⁸ СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784.
- ¹⁹ См.: Смирнов А.В. Указ. соч. С. 204.
- ²⁰ См.: V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, 10–15 марта 1924 г.: тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. М., 1924. С. 193–194.
- ²¹ См.: Полянский Н.Н. Новая редакция Уголовно-процессуального кодекса. М., 1927. С. 24.
- ²² См.: Смирнов А.В. Указ. соч. С. 205.

Д.Н. Соловьев*

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ЯЗЫКОВОМУ ВЫРАЖЕНИЮ ПРАВОВЫХ НОРМ

Воплотившись в языке, правовые нормы, объединенные в тексты, рассматриваются уже не только как сугубо волевые, юридические явления, но и как явления лингвистические. На них распространяются практически все закономерности, присущие данному языку. Обозначаясь в языке, правовые нормы приобретают характеристики лингвистических фактов. На них начинают распространяться все семантические, синтаксические, лексические и иные закономерности, присущие тому или иному языку.

Почти все российские исследователи-юристы связывают несовершенство законов с правотворческими ошибками, которые возникают вследствие несоблюдения общепринятых правил, стандартов, требова-

---

* © Соловьев Д.Н., 2010

Соловьев Данил Николаевич – ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета